

УДК 903.2

В.Н. Логвин*Сургутский государственный университет
ул. Энергетиков, 14, Сургут, 628400, Россия
E-mail: lvn@lap.surgu.ru*

РАННИЙ ЭНЕОЛИТ ТУРГАЯ

Введение

Тургай – географическая страна, большая часть территории которой приурочена к Тургайскому прогибу, соединяющему Западно-Сибирскую и Туранскую равнины. С запада он ограничен Зауральским плато, а с востока – Казахским мелкосопочником и отрогами гор Улутау. Северная и южная границы прогиба четко не очерчиваются, и он незаметно переходит на севере в Западно-Сибирскую, а на юге – в Туранскую равнину. Территория эта давно привлекает внимание исследователей как Западной Сибири, так и Средней Азии, но очень долго на археологической карте она представляла собой белое пятно.

За последние три десятка лет ситуация существенно изменилась к лучшему. Были выявлены и введены в научный оборот достаточно полноценные материалы по мезолиту, неолиту, позднему энеолиту и эпохе бронзы. В настоящей работе представлена имеющаяся в нашем распоряжении информация по раннеэнеолитической эпохе.

В понимании содержания понятия “энеолит” мы следуем за Н.Я. Мерпертом, давшим, по нашему мнению, наиболее обоснованную его трактовку применительно к памятникам степной зоны [Мерперт, 1980]. Его концепция базируется на принципах, которые легли в основу первых систем археологической периодизации. Жизнеспособность их доказана всей практикой археологической науки. Созданные на основе этих принципов системы периодизации работают, и прав Н.Я. Мерперт, когда говорит, что они требуют не замены, а постоянного развития и обогащения [Там же, с. 5].

Первым по значимости признаком энеолита он называет распространение медных орудий, именно распространение, а не производство. Независимо от

того, где они были изготовлены – на месте или на другой территории и “импортированы” в данный район, – появление меди “оказало определенное воздействие на жизнь общества” [Там же, с. 4].

Для отнесения к энеолиту того или иного памятника или их группы совсем не обязательно присутствие находок из металла. Вполне достаточно установления сходства по другим важнейшим признакам материальной культуры (керамика, орудия труда, погребальный обряд и т.д.) с памятниками, где обнаружен металл, в особенности при наличии аналогичных экологических условий [Там же, с. 11]. С этих позиций и решался нами вопрос об отнесении тургайских материалов к энеолитической эпохе.

Материальная культура

Материалы раннего энеолита в настоящее время получены только в северной части прогиба при раскопках стоянок Алкау-2 и Дачная на р. Тоболе, а также Дузбай-1, Сулуколь-1 и поселения Бестамак, расположенных в верховьях р. Убаган, единственного в пределах степной зоны восточного притока Тобола*. Коллекции с этих памятников включают в себя разновременные находки, среди которых раннеэнеолитические можно выделить лишь по типологическим признакам.

Достаточно уверенно вычлняется раннеэнеолитическая керамика. Прежде всего, это посуда, находящая наиболее близкие аналогии в боборькинской культуре. Большая часть ее имеет плотное тесто без

* Следует отметить, что близкие материалы были собраны Т.М. Потемкиной во время обследования Верхней Алабуги, Убагана I, III в пограничной зоне Тургайского прогиба и Западно-Сибирской равнины [Потемкина, 1985, с. 148 – 154; Ковалева, 1989, с. 28 – 29].

видимых невооруженным глазом примесей. На Бестамаке встречены единичные фрагменты с примесью органического происхождения.

В этой группе имеются сложно профилированные сосуды с прямой высокой шейкой и сильно отогнутым наружу венчиком. Срез его обычно уплощенный, однако встречаются венчики округлой и приотсрещенной формы. Бока сосудов умеренно раздутые. К сожалению, целых или поддающихся полной реконструкции экземпляров у нас нет. Поэтому можно лишь по аналогии со сложно профилированными боборькинскими сосудами предполагать наличие плоских днищ. Это тем более вероятно, что в материалах Дачной стоянки имеется небольшой фрагмент нижней стенки плоскодонного сосуда с характерными насечками (рис. 1, 5). Обломки миниатюрных плоских днищ найдены также на поселении Бестамак.

Только часть этих сосудов имеет орнамент, нанесенный с использованием таких, считающихся традиционными для боборькинской культуры, приемов, как прочерчивание (в том числе и в технике отступающей палочки), вдавления, насечки (рис. 2, 1, 2, 4 – 8). Часто внешняя поверхность сосудов украшена очень скупой или совершенно лишена орнамента (см. рис. 2, 1, 2).

На Бестамаке около половины керамики данной группы украшено зубчатым штампом, которым выполнены горизонтальные зигзаги, линии, ленты-качалки и ряды оттисков косо поставленного штампа (рис. 2, 9, 10).

В орнаментации примерно пятой части керамики отмечено сочетание зубчатого штампа с насечками или вдавлениями (рис. 2, 3, 11, 12).

Бедно орнаментированная, а также украшенная прочерченными волнистыми линиями, насечками и вдавлениями посуда этой группы находит прямые аналоги в сложно профилированной керамике боборькинской культуры, в т. ч. и с памятников лесостепного Притоболья, расположенных в пограничной зоне Западно-Сибирской равнины и Тургайского плато [Ковалева, Варанкин, 1976, с. 25, рис. 2, 18; Крижевская, 1977, табл. XVII, 14; Ковалева, Потемкина, 1980, рис. 3; Косарев, 1981, с. 36, рис. 6; Потемкина, 1985,

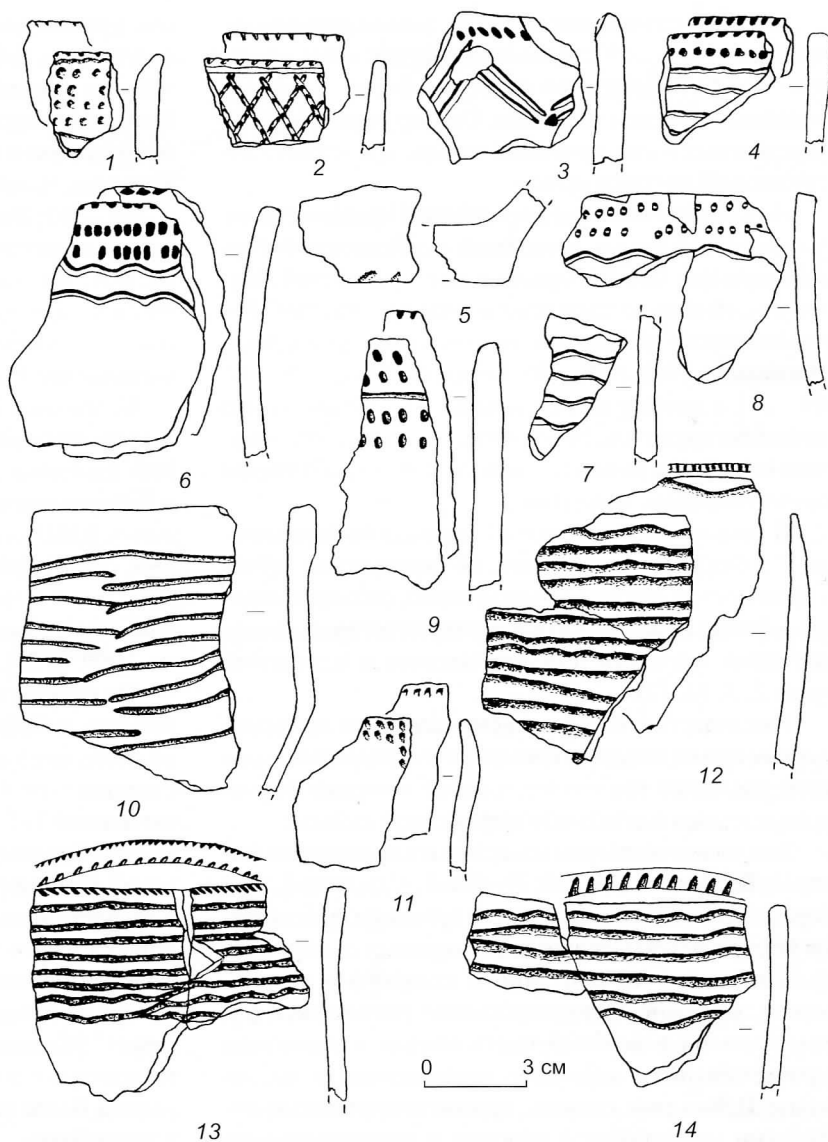

Рис. 1. Керамика раннего энеолита Тургай.

1, 5 – Дачная; 2 – Сулуколь-1; 3, 4, 6 – 8 – Алкау-2; 9, 13, 14 – Бестамак; 10 – Буруктал; 11, 12 – Дузбай-1.

с. 154, 263, рис. 106, 50 – 53]. Можно отметить также определенное сходство с керамикой сырдарьинских стоянок космолинской группы [Виноградов, 1981, с. 92, рис. 38].

Исследователи боборькинской культуры неоднократно указывали на то, что для нее характерно отсутствие керамики, орнаментированной зубчатым штампом. Наличие такого орнамента наряду с прочерченным и накольчатым считается признаком одновременной ей полуденской культуры. Последняя от боборькинской отличается также отсутствием сосудов сложной профилировки [Ковалева, 1989, с. 46; Косарев, 1996, с. 255].

В нашем случае, как видно из вышеизложенного, часть сложно профилированных сосудов, имея типичную для боборыкинской культуры форму, орнаментирована зубчатым штампом. Однако отделять их от украшенных в прочерченной манере и в технике отступающей палочки нельзя.

Во-первых, наличие гребенчатой орнаментации, возможно, является локальной особенностью тургайского аналога боборыкинских древностей. Вторых, вплоть до настоящего времени “чистые” боборыкинские памятники не известны* [Ковалева, Потемкина, 1980, с. 91 – 96; Ковалева, 1989, с. 26 – 32, 48 – 54], а потому не исключено, что исследователи интерпретируют как боборыкинские только бесспорные находки, а сомнительные, в т. ч. с гребенчатой орнаментацией, отделяют.

В пользу того, что наши “типично боборыкинские” и близкие им по форме, но украшенные зубчатым штампом, сосуды одновременны, свидетельствуют и факты сочетания в орнаменте некоторых из них оттисков зубчатого штампа, насечек и вдавлений (рис. 2, 3, 11, 12).

Как известно, боборыкинская керамика представлена не только сосудами сложной профилировки. Большой удельный вес имеют и более простые формы с невыделенной или слабо выраженной шейкой.

Аналогичные сосуды известны и в материалах Алкау-2, Бестамака, Дачной, Дузбая-1, Сулуколя-1. Эта керамика по плотности черепка и примесям существенно не отличается от только что описанных сложно профилированных сосудов. Много сходного и в орнаменте, который преимущественно расположен узкой полосой в верхней части сосуда и выполнен прочерчиванием палочкой, вдавлениями и насечками. Некоторые сосуды, орнаментированные оттисками отступающей палочки и прочерченными волнистыми линиями, производят впечатление более близких кошкинской, чем боборыкинской, керамике (см. рис. 1, 1 – 4, 6 – 14). Тем не менее мы не считаем возможным отрывать эту керамику от “типично боборыкинской”. Для такого подхода есть достаточно серьезные основания.

Проблема соотношения кошкинских и боборыкинских древностей достаточно дискуссионна. По мнению В.Т. Ковалевой, они генетически взаимосвяза-

ны, причем кошкинские являются в целом предшествующими боборыкинским, хотя для Нижнего Приоболья предполагается их доживание до времени бытования последних. Данная концепция получила наибольшую известность [Ковалева, 1989, с. 56 – 59; Ковалева, Чаиркина, 1991, с. 56 – 59; Косарев, 1996, с. 255 – 262; Ковалева, 1999, с. 25 – 26]. Однако существует и другая, чуть ли не прямо противоположная ей: В.А. Зах и его тюменские коллеги, также предполагая наличие генетической взаимосвязи этих древностей, считают более ранними боборыкинские, а не кошкинские [Зах, Матвеева, 1997, с. 7].

Концепция В.Т. Ковалевой и ее соавторов помимо в значительной мере умозрительных реконструкций процесса эволюции керамики от кошкинской к боборыкинской базируется на стратиграфии поселений ЮАО-XV и Ташково III, где, по их информации, слой с боборыкинской керамикой перекрывает слой с кошкинскими жилищами [Ковалева, Варанкин, 1984; Ковалева, Чаиркина, 1991, с. 51; Ковалева, 1999, с. 26].

По нашему мнению, трактовка соотношения кошкинских и боборыкинских древностей на ЮАО-XV не столь однозначна, как это представляется его исследователям. Сообщается, что в раскопе 1 котлованы жилищ 1, 2 и 4 заполнены серой супесью, содержащей “преимущественно керамику кошкинского типа”. Вместе с тем в жилище 3, где заполнение черного цвета включает “преимущественно керамику боборыкинского типа... на дне... найдено несколько фрагментов кошкинского типа, в то время как в жилище 4 (кошкинском) боборыкинская керамика отсутствует” [Ковалева, Варанкин, 1984, с. 145]. Эти факты трактуются в пользу того, что боборыкинская керамика более поздняя, но могут интерпретироваться и по-другому.

Еще Л.Я. Крижевская, впервые обнаружив на стоянке Кошкино V керамику, названную впоследствии кошкинской, отмечала: она “во многом чрезвычайно близка боборыкинской... а в некоторых сосудах наблюдается исключительное сходство вплоть до тождества” [Крижевская, 1970, с. 155]. Отсюда следует, что в отличие от сложно профилированных боборыкинских сосудов фрагменты сосудов более простых форм идентифицировать как боборыкинские или кошкинские далеко не всегда просто. А потому зачастую невозможно уверенно дифференцировать такую керамику, особенно на поселениях, где представлены как боборыкинские, так и кошкинские древности.

Кроме того, на ЮАО-XV жилище 5, по словам авторов, давшее боборыкинский комплекс находок, имеет не черное, а характерное для кошкинских жилищ серое заполнение. Отметим также существенно большую фрагментированность боборыкинской керамики по сравнению с кошкинской. Это можно трак-

* В одной из последних работ В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой говорится: «Заявление В.Н. Логвина об отсутствии в Зауралье “чистых” жилищных комплексов кошкинского и боборыкинского типов не обосновано» [Ковалева, Зырянова, 1998, с. 174]. Это недоразумение, возникшее из-за невнимательного прочтения работы, где написано: «В.Т. Ковалева сообщает лишь о “чистых” комплексах жилищ, но сами жилища найдены на многослойных памятниках»; при этом речь идет только о боборыкинских памятниках [Логвин, 1991, с. 30].

товать как свидетельство того, что здесь боборькинское население было раньше кошкинского [Ковалева, Варанкин, 1984, с. 145 – 146, 152 – 154].

На поселении Ташково III, судя по довольно скудной опубликованной информации, ситуация также неоднозначная. Здесь вскрыта одна жилищная впадина. “Нижний слой, заполняющий котлован от жилища, – супесь темно-серого цвета мощностью до 1,2 м, в котором найдена керамика от 20 – 25 сосудов кошкинского типа”. Над ним залегал “слой светло-коричневой супеси (толщина 40 – 60 см) с разновременными находками, в том числе керамикой боборькинского типа” [Ковалева, 1989, с. 29 – 30]. Поскольку эта стратиграфия прослежена в заполнении котлована жилища, не исключен вариант, когда наверху оказываются культурные остатки населения, обитавшего здесь ранее, до его сооружения. В итоге приходится признать, что проблема соотношения во времени кошкинских и боборькинских древностей пока далека от окончательного решения. Есть большая вероятность того, что, как уже отмечалось исследователями, они значительную часть периода своего бытования сосуществовали [Сериков, 1992, с. 145 – 146; Ковалева, Зырянова, 1998, с. 172 – 173].

Все изложенное выше делает правомерным рассмотрение кошкинских и боборькинских материалов, в т. ч. и близких им тургайских, как единого крупного культурно-хронологического пласта древностей. Таким образом, к раннему энеолиту нами отнесена керамика кошкинско-боборькинского облика, а также близкая ей по форме сосудов, но орнаментированная зубчатым штампом. Помимо уже сказанного выше, в пользу правомерности отнесения последней к раннеэнеолитическому времени можно привести и факт обнаружения на поселении Исток IV печатно-гребенчатой керамики, которую исследовательница памятника не считает возможным отделить от типично кошкинской, поскольку, по ее мнению, они составляют единый комплекс [Стефанова, 1991, с. 141].

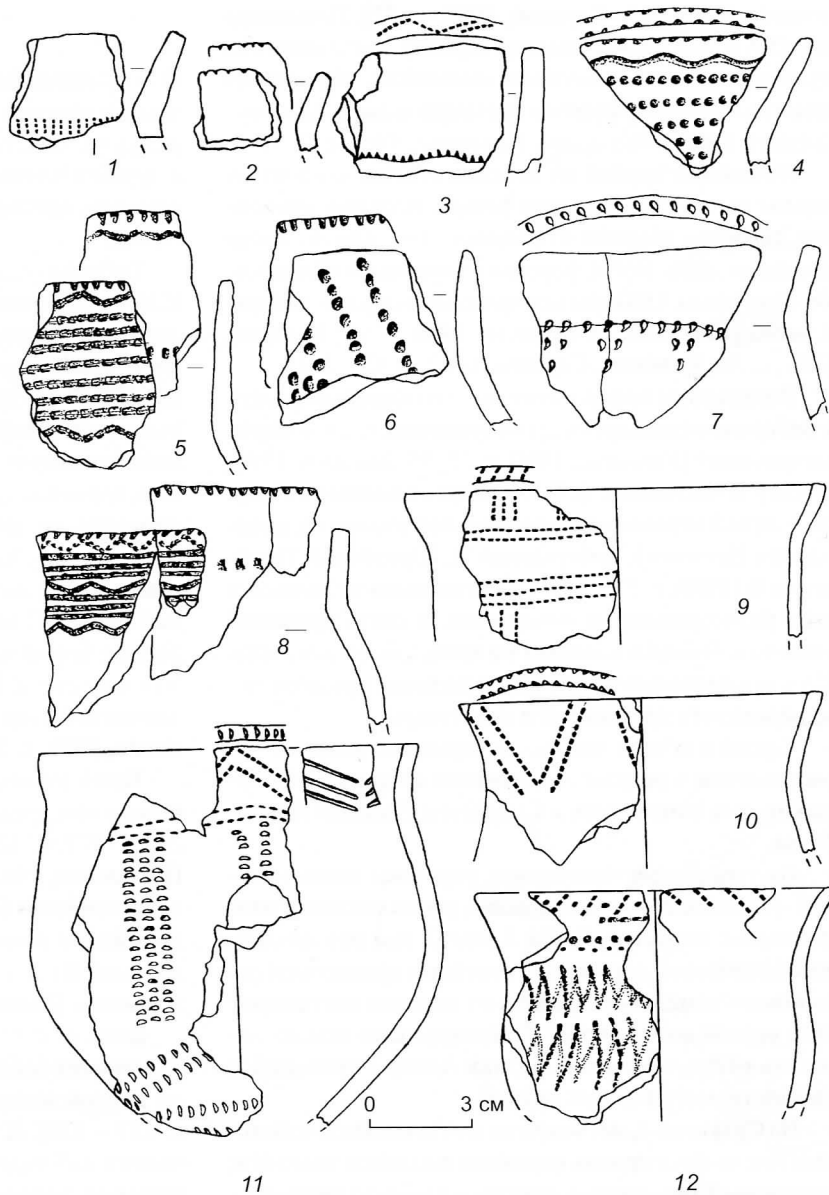

Рис. 2. Керамика раннего энеолита Тургаия.
1 – 4, 7, 9 – 12 – Бестамак; 5, 6, 8 – Сулуколь-1.

Ввиду ограниченности коллекций орудий, сопутствующих керамике этого типа, дать сколько-нибудь полную характеристику индустрии нельзя, можно лишь попытаться реконструировать наиболее общие ее черты.

Исследователи связывают с кошкинской и боборькинской керамикой пластинчатые комплексы [Ковалева, 1989, с. 33, 55, 56; Ковалева, Потемкина, 1980, с. 92; Косарев, 1996, с. 257 – 259]. К сожалению, по публикациям подсчитать соотношение орудий из пластин и отщепов нам удалось только для ЮАО-ХII и ЮАО-ХV.

На ЮАО-ХІІ примерно 74% орудий изготовлено из пластин [Ковалева, Сериков, 1982, с. 42]. Поселение ЮАО-ХV дает несколько иную картину. Насыщенность культурного слоя находками здесь ниже. Изделия из пластин в целом по раскопу составляют лишь 43% орудийного набора [Ковалева, Варанкин, 1984, с. 151].

Коллекции орудий из пластин обычно состоят из наконечников стрел, острий, резцов, резчиков, проверток, скребков. Изделия из отщепов, как правило, представлены лишь двумя формами: скребками и отщепами с ретушью. Обычны шлифованные орудия: топоры и тесла [Ковалева, Потемкина, 1980, с. 92; Косарев, 1981, с. 34; Ковалева, Сериков, 1982, с. 42 – 47].

В последнее время появилась тенденция относить к боборыкинским древностям трапеции, в т. ч. и асимметричные* [Ковалева, 1989, с. 51, 55; Косарев, 1996, с. 259]. В частности, В.Т. Ковалева связывает с боборыкинской керамикой трапеции, найденные на поселениях Ташково I, Боборыкино II, Юртобор-3, Полуденка II [1989, с. 55]. Все эти памятники включают в себя разновременные материалы, и связь трапеций именно с боборыкинскими не может быть доказана. Нельзя полностью исключать и наличие примеси мезолитических древностей в коллекциях.

Такова в общих чертах информация, которой мы располагаем в результате изучения кошкинско-боборыкинских памятников в Среднем и Нижнем Притоболье.

На тургайских памятниках керамика кошкинско-боборыкинского облика, похоже, также связана с пластинчатой индустрией. На Алкау-2, где нет позднеэнеолитической керамики и соответствующего ей отщепового комплекса, изделия из пластин составляют 68% орудийного набора. Дополнительно можно отметить отсутствие в материалах Алкау-2 трапеций и других геометрических орудий.

На Сулуколе-1, несмотря на то что имеется небольшое число фрагментов керамики позднего энеолита, с которыми, безусловно, связана и какая-то часть орудий из отщепов, пластинчатый комплекс составляет 74%. Трапеции здесь, так же как и на Алкау-2, не найдены.

Все типы кремневых орудий, отмеченные исследователями в качестве характерных для кошкинско-боборыкинского круга памятников, имеются на этих, равно как и на всех других наших стоянках с керамикой, близкой кошкинской и боборыкинской. Таким образом, в настоящее время можно лишь предположить, что кремневая индустрия “чистых” раннеэнеолитических памятников Тургая в общих чертах будет соответствовать таковой кошкинско-боборыкинских.

* Вначале сообщалось о трапециях в связи с боборыкинскими материалами, а затем и с кошкинскими [Ковалева, 1989, с. 55; Ковалева, Чаиркина, 1991, с. 51].

Проблема хронологии и стадияльной принадлежности

В силу специфики полученных нами раннеэнеолитических материалов культурная и хронологическая атрибуция их возможна лишь на основе сопоставления с лучше изученными памятниками сопредельных территорий, прежде всего с кошкинскими и боборыкинскими.

Боборыкинская культура с момента открытия ее К.В. Сальниковым вызывает большой интерес исследователей и неоднозначную интерпретацию связываемых с ней древностей. Оригинальность полученных им в 1957 – 1958 гг. при раскопках поселения Боборыкино II материалов позволила выделить новую археологическую культуру – боборыкинскую – на основе изучения одного памятника. К.В. Сальников определил ее как раннебронзовую и датировал в пределах рубежа III – II тыс. до н.э. Основными аргументами в пользу отнесения Боборыкина II к ранней бронзе были хорошо профилированная плоскодонная форма значительной части сосудов и найденная вместе с боборыкинской в одном жилище энеолитическая керамика кысыкульского типа [Сальников, 1961, с. 3 – 10].

Такой взгляд на хронологическую позицию боборыкинских древностей утвердился надолго [Крижевская, 1977, с. 125; Ковалева, Потемкина, 1980, с. 97; Потемкина, 1985, с. 279]. Самое большее, на что шли исследователи боборыкинских памятников, это предположение о возможности датировки их первой половиной III тыс. до н.э. или несколько более ранним временем [Ковалева, Сериков, 1982, с. 52].

Вместе с тем уже имелись все основания для удревления боборыкинской культуры по крайней мере до первой половины IV тыс. до н.э. [Логвин, 1982, с. 157 – 159]. К этому времени на базе стратиграфических наблюдений было установлено, что боборыкинские древности более ранние по отношению к шапкульским [Варанкин, Ковалева, 1979, с. 212]. Коллекция кремневых находок со стоянки Шапкуль I наполовину состоит из пластин, в том числе она включает такие типичные для пластинчатых комплексов орудия, как пластины с притупленной спинкой, резцы, кельтеминарские наконечники стрел. Последние были найдены и на другом, близком Шапкулью I, памятнике – стоянке Малый Барашек I [Старков, 1976, с. 42 – 46]. По пластинчатому облику кремневой индустрии и кельтеминарским наконечникам шапкульские древности хорошо сопоставляются с материалами памятников Средней Азии Кават-7 и Джанбас-4 и должны быть признаны синхронными с ними [Виноградов, 1968, с. 42 – 44, 88 – 105]. А.В. Виноградов относил Кават-7 к концу IV тыс. до н.э., а Джанбас-4 – примерно к середине IV тыс. до н.э. [1981, с. 132 –

133]. Поскольку боборыкинские материалы стратиграфически фиксировались ниже шапкульских, то они не могли датироваться позднее первой половины IV тыс. до н.э. [Логвин, 1982, с. 157 – 159].

Такая датировка боборыкинских древностей хорошо контролировалась западной линией сопоставлений, поскольку в этом случае они оказывались синхронными раннеэнеолитическому кругу степных памятников, в то время наиболее ярко представленному Съезженским, Мариупольским и Никольским могильниками [Даниленко, 1974, с. 36 – 40; Васильев, Матвеева, 1979, с. 147 – 166]. Обращало на себя внимание, что в материалах указанных памятников мариупольской области, так же как и в боборыкинских, значителен удельный вес плоскодонной посуды. Если в районах древнейшего земледелия плоскодонная керамика характерна для всех этапов развития, то в собственно степной, лесостепной и лесной зонах отмечается чередование периодов использования плоскодонной посуды с периодами преобладания остродонной и круглодонной. Плоскодонность значительной части посуды в этом случае сама по себе является хронологическим признаком [Логвин, 1981]. Найденный при раскопках Съезженского могильника кремневый инвентарь вполне сопоставим с тем, который исследователи, начиная с К.В. Сальникова, связывали с боборыкинской керамикой [Васильев, Матвеева, 1979, с. 160 – 162].

Предложенная нами на основе этих фактов перенесенная датировка боборыкинских древностей основными их исследователями была проигнорирована*, и только в 1986 г., в связи с получением радиоуглеродной даты для образца, взятого из предположительно боборыкинского слоя поселения Ташково I, они стали относить боборыкинскую культуру ко второй половине IV тыс. до н.э. [Ковалева, 1986, с. 26]**. В последнее время ими уже не исключается полностью возможность ее бытования не только в IV, но и в V тыс. до н.э. [Ковалева, Зырянова, 1998, с. 174].

* Первое упоминание о нашей статье 1982 г. в связи с датировкой боборыкинских древностей появляется только в 1998 г. [Ковалева, Зырянова, 1998, с. 174].

** Получившая широкую известность дата была приведена в значении $5\,490 \pm 60$ л.н., однако в статье В.И. Тимофеева и в списке радиоуглеродных дат неолита, опубликованном им вместе с Г.И. Зайцевой, для Ташкова I указана дата $7\,440 \pm 60$ л.н. [Тимофеев, 1996, с. 334; Тимофеев, Зайцева, 1996, с. 343]. При переводе ее в калиброванную получаем широко известное $5\,490 \pm 60$. Если исходить из этой информации, то надо боборыкинскую культуру удревнять до середины VI тыс. до н.э. или же считать указанную дату относящейся не к боборыкинскому, а к нижележащему слою с гребенчатой керамикой и микролитическим инвентарем [Варанкин, Ковалева, 1979, с. 212]. *(Редакция не разделяет оценки автором приведенных дат).*

Кошкинская проблематика начала активно разрабатываться после публикации в 1970 г. Л.Я. Крижевской информации, полученной при раскопках стоянки Кошкино V в Курганском Притоболье [Крижевская, 1970, с. 155 – 157]. В то время она не склонна была отделять кошкинские материалы от собственно боборыкинских, отмечая при этом, что, возможно, “Кошкино несколько древнее Боборыкина”, имея в виду конкретные памятники [Там же, с. 157].

Позднее В.Т. Ковалевой и Н.В. Варанкиным [1976] древности кошкинского типа были выделены в самостоятельную генетически связанную с боборыкинской культурой. К настоящему времени получено несколько радиоуглеродных дат для образцов, связываемых исследователями с кошкинскими материалами Ташкова III ($6\,380 \pm 120$), Кокшаровско-Юрьинской стоянки ($6\,470 \pm 80$), Истока IV ($6\,620 \pm 260$), Сартыньи I ($6\,630 \pm 80$ и $6\,440 \pm 80$) [Ковалева, Чаиркина, 1991, с. 51; Тимофеев, Зайцева, 1996, с. 343].

Таким образом, кошкинско-боборыкинская линия сопоставления тургайских раннеэнеолитических древностей с учетом сказанного выше о возможности синхронизации с материалами памятников мариупольской общности позволяет относить их к периоду от середины (может быть, второй четверти) V тыс. до н.э. до середины IV тыс. до н.э.

В.Т. Ковалева, удревнив боборыкинскую культуру, одновременно исключила ее из числа раннебронзовых (энеолитических), определив как неолитическую на основании ранней даты, пластинчатого облика индустрии и отсутствия изделий из металла на известных боборыкинских поселениях [Ковалева, 1986, с. 26]. На наш взгляд, сделано это было несколько поспешно.

Отсутствие металлических артефактов вряд ли можно признать решающим аргументом в пользу неолитического возраста памятников. Например, в материалах ботайской культуры пока также не известны изделия из металла, однако никто не возражает против определения ее как энеолитической, поскольку она хорошо вписывается в круг синхронных ей энеолитических культур [Зайберт, 1993].

Боборыкинская культура также принципиально сопоставима с раннеэнеолитическими древностями съезженского типа (а шире, и мариупольской общности в целом) с их пластинчатой индустрией, плоскодонными сосудами и столь же ранней датой [Васильев, 1981, с. 6 – 18, 60 – 64; Васильев, Синюк, 1985, с. 9 – 39]. Уже на основании этих аналогий нельзя отказывать боборыкинским древностям в праве называться энеолитическими.

Можно вспомнить и камские материалы с накопчатой керамикой, полученные на II Татарско-Азибейском поселении. Уже первый исследователь, осознав-

ший самостоятельный характер памятников этого типа, Р.С. Габяшев отмечал их близость боборыкинским [1978, с. 55]. Они действительно близки по облику кремневой индустрии, форме сосудов и технике нанесения орнамента.

С этими материалами на II Татарско-Азиевском поселении связаны остатки медеплавильного производства [Там же, с. 66; Крижевская, 1996, с. 248], что дополнительно к сказанному является весомым аргументом в пользу отнесения к энеолитическим не только прикамских памятников типа II Татарско-Азиевского поселения, но и близких им зауральских.

В пользу энеолитического характера боборыкинских древностей говорит и тот факт, что, судя по материалам памятника Сопка-2, энеолитическая эпоха в лесостепном Прииртышье также началась не позднее конца V – IV тыс. до н.э. [Молодин, 2001]. В.И. Молодин указывает на идентичность материалов комплекса Сопка-2/2 и поселения Венгерова III, на котором в хозяйственных ямах найдены медные (бронзовые?) предметы, что свидетельствует об энеолитическом возрасте этого поселения. В свою очередь, для Сопки-2/2 были получены радиоуглеродные даты, позволившие В.И. Молодину заключить: “Появление первых памятников раннего металла приходится в западно-сибирской лесостепи на конец V – начало IV тыс. до н.э.” [Там же, с. 39]. Интересно, что для раннеэнеолитического комплекса с плоскодонной керамикой, представленного курганным могильником Сопка-2/3 и грунтовым могильником Сопка-2/3А, получены близкие даты [Там же, с. 57, 60, 72, 117]. В.И. Молодин, отмечая принципиальную сопоставимость этого комплекса по погребальному обряду с Хвалынским и Съезженским могильниками, приходит к закономерному выводу: “...в лесостепной части Западно-Сибирской равнины культурно-исторические процессы развивались в конце неолита – начальной стадии эпохи металла синхронно явлениям, происходившим в восточно-европейской лесостепи” [Там же, с. 113, 122]. Это заключение должно распространяться и на боборыкинские древности.

Справедливости ради следует отметить, что В.Т. Ковалева не исключает полностью возможность того, что выявленные нами в Тургайском прогибе близкие боборыкинским материалы являются раннеэнеолитическими [Ковалева, 1989, с. 56]*. Однако

* Эти материалы действительно настолько близки боборыкинским, что М.Ф. Косарев указывает на Бестамак как на самое южное боборыкинское поселение [1996, с. 257]. Однако мы никогда не относили степные древности к боборыкинской культуре, считая, что полученных материалов пока недостаточно для определения их культурной позиции, тем более мы никогда не называли боборыкинской гребенчатую керамику, в чем нас упрекают В.Т. Ковалева и С.Ю. Зырянова [1998, с. 174].

если это так, то на каком основании нельзя считать энеолитическими боборыкинские памятники, расположенные в лесостепной зоне, и т.д.

Относительно культурной позиции выявленных в Тургайском прогибе раннеэнеолитических материалов пока можно говорить лишь о их несомненной принадлежности к уже достаточно обширному кругу памятников боборыкинского облика. Значительные размеры ареала распространения этих древностей и определенная вариабельность материальных остатков заставляют думать, что мы имеем дело с еще одной крупной этнокультурной областью, в рамках которой в свое время будут выделены локальные культуры.

Список литературы

- Варанкин Н.В., Ковалева В.Т.** Раскопки поселения Ташково I в бассейне р. Исеть // АО 1978 г. – М.: Наука, 1979. – С. 212.
- Васильев И.Б.** Энеолит Поволжья: Степь и лесостепь. – Куйбышев: Куйб. гос. пед. ин-т, 1981. – 128 с.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И.** Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. – 1979. – № 4. – С. 147 – 166.
- Васильев И.Б., Синюк А.Т.** Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. – Куйбышев: Куйб. гос. пед. ин-т, 1985. – 118 с.
- Виноградов А.В.** Неолитические памятники Хорезма. – М.: Наука, 1968. – 180 с.
- Виноградов А.В.** Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского Междуречья – М.: Наука, 1981. – 173 с.
- Габяшев Р.С.** Второе Татарско-Азиевское поселение // Древности Икско-Бельского междуречья. – Казань: КФ АН СССР, 1978. – С. 40 – 66.
- Даниленко В.Н.** Энеолит Украины. – Киев: Наук. думка, 1974. – 176 с.
- Зайберт В.Ф.** Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: ИА АН РК, 1993. – 244 с.
- Зах В.А., Матвеева Н.П.** Поселение “8-й пункт” на Андреевском озере (о соотношении керамики с различными орнаментальными традициями в неолите Притоболья) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. – Вып. 1. – С. 3 – 8.
- Ковалева В.Т.** Боборыкинская культура // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986. – С. 14 – 27.
- Ковалева В.Т.** Неолит Среднего Зауралья. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. – 80 с.
- Ковалева В.Т. К.В.** Сальников и проблема изучения боборыкинской культуры // XIV Уральское археологическое совещание (21 – 24 апреля 1999 г.): Тез. докл. – Челябинск: Рифей, 1999. – С. 25 – 27.
- Ковалева В.Т., Варанкин Н.В.** К вопросу о происхождении боборыкинской культуры // Вопросы археологии Приобья. – Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 1976. – С. 21 – 29.
- Ковалева В.Т., Варанкин Н.В.** О соотношении кошкинских и боборыкинских комплексов // СА. – 1984. – № 1. – С. 144 – 159.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Историография и дискуссионные проблемы боборыкинской культуры // ВАУ. – 1998. – Вып. 23. – С. 162 – 183.

Ковалева В.Т., Потемкина Т.М. Поселения с линейно-накольчатой керамикой в бассейне р. Тобол // КСИА. – 1980. – Вып. 161. – С. 91 – 97.

Ковалева В.Т., Сериков Ю.Б. Поселение боборыкинского типа на Андреевском озере у г. Тюмени // Археологические исследования севера Евразии. – Свердловск: УрГУ, 1982. – С. 39 – 52.

Ковалева В.Т., Чаиркина Н.М. Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного – начале бронзового века: итоги и проблемы исследования // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. – С. 45 – 70.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 278 с.

Косарев М.Ф. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Археология: Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 253 – 269.

Крижевская Л.Я. Некоторые данные о неолите и ранней бронзе Западно-Сибирской лесостепи // Сибирь и ее соседи в древности. – Новосибирск: Наука, 1970. – С. 153 – 162.

Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 128 с.

Крижевская Л.Я. Среднее Поволжье, Волго-Камье, Приуралье // Археология: Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 243 – 252.

Логвин В.Н. О некоторых сторонах механизма этнических процессов в неолите – бронзе степной полосы СССР // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1981. – С. 158 – 160.

Логвин В.Н. Стоянка маханджарской культуры Соленое Озеро-2 // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев: Куйб. гос. пед. ин-т, 1982. – С. 148 – 159.

Логвин В.Н. Каменный век Казахского Притоболья: Мезолит – энеолит. – Алма-Ата: Казах. гос. пед. ун-т, 1991. – 63 с.

Мерперт Н.Я. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. – Куйбышев: Куйб. гос. пед. ин-т, 1980. – С. 3 – 26.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов неолита и раннего металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985. – 375 с.

Сальников К.В. Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья // КСИА. – 1961. – Вып. 85. – С. 3 – 10.

Сериков Ю.Б. Кокшарово-Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье // СА. – 1992. – № 4. – С. 131 – 147.

Старков В.Ф. Стоянка Шапкуль I и особенности энеолита в лесном Зауралье // Вопросы археологии Приобья. – Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 1976. – С. 38 – 48.

Стефанова Н.К. Исток IV – неолитический памятник Тюменского Притоболья // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991. – С. 132 – 143.

Тимофеев В.И. Проблемы абсолютной хронологии // Археология: Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 330 – 337.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И. Список радиоуглеродных датировок неолита // Археология: Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 337 – 348.

Материал поступил в редколлегию 22.03.02 г.